

Любовь Княгницкая

ГОСПОДЬ,
ПРИБЕЖИЩЕ МОЕ...

МОЙ ПУТЬ К БОГУ

Любовь Михайловна Княгницкая

Господь, прибежище мое... Мой путь к Богу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43056173

Господь, прибежище мое... Мой путь к Богу. / Любовь Княгницкая. Изд.

2, испр. и доп.: гСатисъ; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-7868-0027-3

Аннотация

Вспоминая свой жизненный путь, Л. Княгницкая показывает, что все в ее жизни (как, впрочем, и в жизни каждого человека) происходило по воле Божьей или по Божьему попущению, хотя поняла она это далеко не сразу... Описывая пережитое, автор хочет помочь читателю, особенно молодому, избежать ошибок, подобных совершенным в жизни ею и прийти к вере в единого Бога. Имена и фамилии в книге изменены.

Содержание

Предисловие	5
Предисловие автора.	7
От автора	8
Заказная бандероль	11
Мамины родители	15
Детство в Захаровке	29
Первые мультики.	42
Кошечка-копилка	45
В Геническе. Школа-интернат	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Любовь Княгницкая Господь, прибежище мое... Мой путь к Богу

По благословению иерея Андрея Лецика

*На лицевой стороне обложки фотография иконы «Спас
нерукотворенный», вышитая Л. Княгницкой*

© Л. Княгницкая, 2019 © Сатись, 2019

Предисловие

Передо мною книга, которую я только что прочитал. Она написана Любовью Михайловной Княгницкой, простым человеком, которая попросила меня написать несколько слов об этой книге. Некоторое время назад она просила благословения для работы над ней и тогда же передала мне рукопись будущей книги для того, чтобы я посмотрел ее и, если будут замечания, то сказал о них.

Я ознакомился с рукописью, указал на некоторые недочеты и дал свое благословение. Любовь Михайловна доработала рукопись и вот книга готова, и увидела свет, и прочитана мною.

Что можно сказать о книге?

Только то, что написана она от души и откровенно, что написана она по Воле Божьей, о чем и говорит в своей книге Любовь Михайловна. Автор взял на себя смелость, а, если точнее, подвиг, описать свою жизнь полную и радостями, и горестями, тем самым раскрывая себя перед читателем, который ему (ей) вовсе не знаком.

Подвиг в данном случае надо понимать в смысле подвижничества, а не в смысле исключительного поступка. То есть, Сам Господь подвиг ее на это. Читая ее, я невольно ловил себя на мысли, что все, кто будет читать эту книгу, найдут в ней что-то нужное и полезное для себя, как нашел в ней

и я, грешный иерей Андрей Лещик, клирик Храма Святой Троицы «Кулич и Пасха».

Предисловие автора.

Дорогие читатели! Я надеюсь, что эта книга поможет вам обрести мир и покой в семье, поможет правильно вести себя в трудных ситуациях: в болезнях, различных спорах, и конфликтах, а также на работе и учебе. Мне хочется, чтобы все вы были счастливы и радостны в вашей жизни, а особенно вы, молодые, которые только недавно «вылетели из гнезда родительского» в этот огромный малознакомый вам мир, где вас ожидают свои пути. Одни приведут к счастью, радости, любви, новым друзьям, служению Богу и людям; а другие – к гордыне, зависти, нетерпению, злословию, обжорству, унынию, лени, самолюбию и т.д – от Бога...

Да благословит Господь вас и ваши дома! Примите Господа, ибо Он живой и слышит вас, не сомневайтесь! Благодарите Господа за все, даже, если вам кажется, что вы еще не получили. Он придет на помощь вовремя. Ведь наш Создатель Вездесущий, Всемогущий, Вселюбящий, и «Бог есть любовь»

От автора

Я с детства мечтала о любви. Любви бескорыстной, когда тебя любят такой, какая ты есть: со всеми недостатками и строптивым характером. Любви, которая все прощает, не завидует, не льстит, не обманывает. В детстве я ждала этой любви от своих родных, учителей, в замужестве – от мужа, потом от дочери, а сейчас жду от внуков...

В своем сердце я всегда чувствовала любовь ко всем окружающим меня людям, и ждала от них взаимности. Я думала, что она (эта любовь) будет проявляться видимым образом, но она распознается только духом и в нашем материальном мире встретить ее почти невозможно, так как мы духовно слепы и сердце имеем окаменелое из-за нашей греховности. Мы часто не видим в человеке его хорошие качества, греховность наша не дает нам распознать их. Этим мы и отличаемся от святых: они видят в нас душу, а не нас плотских, и любят нас всех одинаково, вне зависимости от нашей должности, социального положения и материального достатка.

Со временем я поняла, что все богатства мира материального и плотская любовь, которая быстро проходит, все это пустое без Божьего благословения и веры, и я хочу сказать вам, мои читатели, что наша жизнь – ничто без веры в Бога живого. Все богатства, что мы копили годами, не принесли нам покоя и радости. Я ощущала неудовлетворенность своей

жизнью, а моя душа жаждала духовной пищи и тянулась к Своему Создателю. Однажды я встала на колени и просила Бога, чтобы все, что давалось и посылалось мне, было мне во благо, и чтобы все мои дела и поступки были только по воле Его. И Он услышал меня, и увидел, что моя душа готова к послушанию. Мне открылось, как Он вел меня по жизни с самого моего рождения, и я хочу рассказать о проявлениях Промысла Божьего в жизни моей и моих близких.

У нас в семье не было принято ласкать детей, потому что у мамы на это времени не хватало из-за хлопот по хозяйству; мы сами ложились спать, а мама еще трудилась, и мы не видели, когда она ложилась и когда вставала. Но когда у нее была свободная минута перед нашим сном, она подходила к нам, лежащим в постели и читала над нами молитву «Отче наш» и крестила нас. Это были самые счастливые минуты, проведенные с мамой, и я их так запомнила, что потом всегда, когда мне бывало страшно, молилась и осеняла себя Крестным Знамением.

Всего в жизни мне приходилось добиваться своими силами. Тогда я еще не понимала, что все мои действия и бездействия, достижения и неудачи происходили по Божьей воле, к конечной для меня пользе.

Сейчас, анализируя свой жизненный путь, я могу с уверенностью сказать, что я была не лишена Божьего Благословения и Его Отцовской любви: всегда за своеволие следовало наказание во спасение мой души от преисподней: «Не

оставляй юноши без наказания; накажешь его розгою, он не умрет», (Притч. 23:12, 13).

В детстве от сестер и от одноклассников, в училище от однокурсников, на работе от сотрудников мне часто приходилось терпеть насмешки за мою веру в Бога. Начальница мне говорила: «Скрывай свою веру!» Но как это можно скрыть. Никто не может служить двум господам; ибо или одного будет ненавидеть, а другого будет любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть: «Не можете служить Богу и мамоне (богатству)». (Мф. 6:24).

В жизни мне приходилось и падать, и вновь подниматься «ибо семь раз упадет праведник, и встанет; а нечестивые впадут в погибель». (Притч. 24:16). Я отнюдь не дерзаю сравнивать себя с праведниками, но не поднимается лишь тот, кто не падает.

Заказная бандероль

Дома все не ладилось, душа от этого страдала, и я решила съездить в церковь (в нашем селе церкви не было) помолиться перед иконами и поставить свечи. После посещения церкви мне стало легче. Придя на автобусную остановку, я села на скамейку и увидела маленький бумажный листочек. Подняв его, я прочла: «Хотите вы знать, любит ли Вас Господь, напишите нам». Мне, вдруг, очень захотелось узнать, любит ли меня Господь. На листке был указан адрес, и я написала по указанному адресу письмо. Ждала ответ с нетерпением месяц, два, а на третий месяц я уже забыла про него. Однако, через три месяца я получила заказную бандероль из Америки. Я терялась в догадках, кто бы мне мог прислать эту посылку, думала – ошиблись адресом. Но ноги, словно сами бежали на почту, подгоняемые моим любопытством. Как будто меня там ждал сам Господь! Протянув руку с уведомлением почтальону, я с нетерпением ждала, когда мне выдадут бандероль; боялась услышать, что это ошибка – «не вам». Но мне сказали: «Заполняйте паспортные данные». Получив бандероль, я с любопытством смотрела на нее и гадала, что в ней. Не выходя из зала, я надорвала упаковку и увидела книгу. Меня заинтересовало, что это за книга, да еще и из Америки. Я вскрыла бандероль – на книге большими буквами было написано «БИБЛИЯ».

Я обрадовалась – ведь такую книгу я видела в детстве у тети Оноры (книга принадлежала умершей бабушке), в Джанкое, но она была на польском языке и, к великому моему сожалению, я ее прочесть не могла, хотя долго разглядывала, как будто, что-то понимала. Мне так хотелось знать, что там написано, но, увы. Вот, если бы по-русски!

И вот, наконец, я получила то, о чем так долго мечтала (двадцать пять лет) – «БИБЛИЯ» на русском языке. Я бежала по улице, не обращая внимания, на окружающих, и от радости выкрикивала вслух: «Меня Господь любит! Меня Господь любит!» Мне хотелось только одного – быстрее прибежать домой и прочитать, что там написано.

Священное Писание давалось мне непросто. Книгу Бытия я прочитала с интересом, но, когда стала читать Исход и представила, как Бог потопил войско фараона, мне стало страшно. Я захлопнула Библию, возмущаясь Божьей жестокостью.

Неприятие вызвали у меня и слова Иисуса, сказанные Им Своим ученикам: «Когда тебя ударят по одной щеке, подставь другую». Мне это было непонятно: папа нас учил уметь защитить себя. Я долго возмущалась и была с Господом не согласна.

Со временем Господь дал мне урок для понимания этих слов через мою дочь.

Распался Советский Союз, привычная жизнь рухнула, денег не стало, надо было выживать. Я снова и снова брала в

руки Библию, чтобы, читая ее, обрести спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Вы думаете, я успокаивалась? Нет! В те, описываемые в Библии времена, людям жилось еще тяжелее, и еще хуже: шли войны, людей убивали и забирали в рабство. Пророки обличали народы и царей в грехах, призывали покаяться, предупреждали о Божьем гневе, но их не слушали. И цари не верили пророкам, и не каялись, а пророков сажали в темницы или побивали камнями. И Господь исполнял пророчества и наказывал их.

Я плакала и говорила Богу: «Как Ты мог!? Ведь Ты сказал, что нас любишь!»

Так продолжалось семь лет, до тех пор, пока я не попала на библейские курсы, где нам разъяснили, почему Господь поступал именно так и еще научили – прежде, чем читать Библию, нужно просить Бога о том, чтобы Он наделил мудростью и открыл духовные уши и глаза, и сердце окаменелое сделал «платяным».

После этого я старалась не возмущаться и не сомневаться, хотя, так не всегда получалось. Я осознала, что нужно впустить в свое сердце Господа и довериться Ему, понять, что Он – твоя скала и пастырь твой. И твои предприятия совершаются во Славу

Господа. Что надо любить Его всем сердцем и преданно служить, прославляя, благодарить и хвалить. И бояться Господа и вопрошать Его о Его святой воле.

Со временем я стала понимать промыслительность проис-

ходящего со мною, поняла необходимость любви к Нему и к ближним, ибо мы все братья и сестры и нет врагов у нас.

Я благодарю Господа за его любовь ко всем нам и ко мне, ведь все мы дети Его: мужчины, женщины, дети, вдовы и старики, бедные и богатые, больные и узники, бездомные и злодеи, и мы должны проявлять друг к другу милосердие и сострадание. Нужно просить Господа, чтобы Он помог убрать гордость: «Боже Мой, во мне есть гордыня, из-за которой ко мне не приходит от Тебя помощь, но прошу Тебя, просвети, меня, чтобы я поняла, что нужно делать, чтобы преодолеть свою слабость». И нужно ждать ответ от Господа – Он известит тебе, как ее преодолеть. Может, через сон или видение или через человека (это советы святых).

Спустя много лет я поняла, что Господь дал мне в руки Библию вовремя, в то тяжелое время, чтобы мне оно раем показалось в сравнении с библейскими временами. И, действительно, помню, что я тогда радовалась тому, что живем мы в хорошее время и трудности, переживаемые нами – временные и больше не печалилась, а продолжала жить и трудиться.

Слава Богу за все!

Мамины родители

Мамины родители были родом из Брянской области, там они жили до 1933 года. В 1933 году, во время голода на Украине, маминого отца (моего деда) направили в Таврию, в село Буряки для борьбы с падежом скота; он был ветеринаром. Дедушку звали Нестором, а бабушку – Домной. Свободного жилья в селе не было, поэтому деду с бабушкой пришлось жить в конюшне, которая пустовала оттого, что лошадей выкосили болезни и нехватка кормов.

Когда началась Великая Отечественная война, дед и его старший сын, Иван, ушли на фронт. С фронта они не вернулись, а бабушка получила похоронки, где говорилось, что они пали смертью храбрых, защищая Родину.

Однажды немцы бомбили село, и одна бомба попала в дом-конюшню, от которой остались лишь руины. К счастью, в это время мои мама и бабушка находились не дома, они кормили лошадей. Господь уберег!

Лошадей в селе осталось мало, и мама с бабушкой перебрались в конюшню и жили под одной крышей с ними. Перегородки и печку сложили из кирпичей, взятых из разрушенных бомбами домов, а после войны вся конюшня была предоставлена бабушке под жилье. Лошадей в конюшне уже не было.

Бабушка осталась вдовой с тремя малолетними детьми на

руках. Это были моя мама и два ее братика. Кроме конюшни, данной бабушке для проживания, колхоз выделил ей и два гектара земли, примыкающей к конюшне, чтобы семья могла как-то прокормиться.

Мои предки по отцовской линии переселились в Россию из Польши в XVIII веке, при Екатерине II, спасаясь от религиозных притеснений; они были православные. Поселили их в городе Белая Церковь, недалеко от Киева, а позднее они перебрались в Таврическую губернию в село Александровка, где и родился мой отец. Знаю, что кто-то из предков, кажется, прадед, был юристом. Папа был семнадцатым ребенком в семье, но из всех детей осталось только трое – он и две его сестры. Раньше, до войны, у папы было много родственников. В каждой семье имелось много детей, все они жили дружно, помогая друг другу. После войны родственников осталось мало...

Папа родился, вероятно, 10 июня 1917 года, в селе Александровка Новотроицкого района. Бабушка Елизавета, папина мама, умерла от тифа в 1920 году. Тогда тиф унес многих родственников отца, да и сам отец в живых остался только чудом. В тот день, когда умерла его мать, умер и он. Сил, после тифа, у остальных членов семьи, для того, чтобы отвезти усопших на кладбище, не было, поэтому тела, для сохранения, были временно перенесены на летнюю кухню. На дворе стоял февраль, и был лютый мороз.

Два дня тела умерших лежали на морозе, а на третий день

мои тети Маруся и Александра увидели в окошко своего «умершего» брата, Михаила, выходящего из летней кухни и очень испугались. Мой папа, шатаясь, подошел к дому и, со стоном, упал. Сестры, преодолев страх, вышли на двор, подхватили брата под руки и с трудом втащили в дом; после болезни они и сами еле ходили. Это было первое чудесное спасение моего папы.

Жизнь в двадцатые годы была тяжелой. Тех, кто хорошо трудился и имел лошадей и скотину, называли кулаками и отбирали у них все имущество, а тех, кто сопротивлялся, убивали на месте без суда и следствия. Тех, кто был посильнее и поздоровее, высылали, а старых, немощных и малых детей оставляли на выживание. Так как мой дед был уже слишком стар, да еще и хром, то решили его в ссылку не отправлять, побоялись, что в дороге может умереть. Но крова и всего, что имел, мой дед лишился.

Отправились мой дед Михаил со своим сыном Михаилом в Джанкой – наниматься на работу к людям пасти их скот. Они жили в старом домике у тех людей, чей скот пасли. В один из весенних дней, когда они спали в хлеву, папе моему перед рассветом вдруг послышалось, что кто-то открыл дверь и зовет дедушку. Папа проснулся – никого нет, а дедушка спит. Он начал его будить: «Папа, вставай, коров уже надо идти пасти!», но дедушка ласково сказал: «Спи, сынок, еще рано» и папа опять уснул. Скоро он вновь проснулся от стука щеколды и ему опять послышалось, что кто-то зовет

его отца, и он снова стал будить дедушку идти пасти коров. Тот ему опять так же ласково сказал: «Спи, сынок, еще рано». И в третий раз папа проснулся от скрипа двери, стука щеколды и голоса, зовущего дедушку. Он увидел, что отец его спит и решил разбудить, говоря ему: «Папа, Вставай. Слышишь, тебя зовут коров пасти!» Дедушка рассердился, да как крикнет: «Чтоб ты всю жизнь пас коров!», встал и пошел к коровам. А пастбище было на другой стороне речушки, протекающей возле города Джанкоя. Ее нужно было перейти, а так как мостика не было, то посередине речки положили большой камень для перехода: на камень встаешь одной ногой, а другую ставишь уже на тот берег. Но дедушка на старости лет хромал на одну ногу и, когда ступил ногой на камень, не удержался и упал в речку лицом вниз и захлебнулся. Родственница вела в это время корову в стадо и все это видела, но спасти дедушку не успела. Папе было в то время двенадцать лет. Когда он рассказал сестрам о том случае, те сказали: «Приходила смерть, а ты помешал спокойно умереть папе своему, и он тебя проклял». Так мой папа действительно и пас всю жизнь коров, пока жили в Захаровке и держали свой скот.

Дед умер в 1930 году. Папа остался круглым сиротой, он продолжал пасти скотину, сил не было – кормили плохо. Весной, в день свободный от работы, он решил сходить в гости к сестрам, но не дошел: уснул на пшеничном поле. Сколько он так проспал, никто точно не знал, только его рубашка и

брюки сопрели с той стороны, на которой он лежал. Отца нашла женщина, Мария Чеботарка, когда стали косить пшеницу. Она забрала его к себе домой, там он не просыпался еще несколько дней, когда же проснулся, был очень слаб. Она ухаживала за ним, кормила его и выходила, и он у нее жил до тех пор, пока не уехал в Мурманск. Отец называл эту женщину мамой, так как она ему жизнь спасла. Так Господь уберег моего папу от смерти во второй раз!

В Мурманске отец оказался в поисках работы; они с другом нанялись на рыболовное судно, на котором и вышли в море. На второй день разыгрался сильный шторм. Отца смыло волной, и он оказался за бортом. Несмотря на свои здоровье и силу, папа уже думал, что это конец и начал молиться, прощаясь с жизнью, однако вскоре увидел берег и смог доплыть до него. Очнулся он в чьем-то доме, на топчане, все вокруг было незнакомое. Хозяин дома рассказал ему, что шел по берегу домой с работы и увидел его, лежащего у воды без сознания. Так закончилась папина морская романтика. Бог спас его в третий раз!

Из Мурманска папа уехал в Донбасс – работать в шахте: там кормили, и заработки, по тем временам, были хорошие. Моему папе было тогда 17 лет, он добавил себе год, и его приняли учеником: рабочие руки на шахте требовались, и никто не уточнял возраст желающих работать. Однажды в шахте произошел обвал породы и отца засыпало. Папа очнулся – темно, пошевелил руками, ногами и понял, что он

не покалечен, лежит в углу между деревянными перекладами, обвалившаяся порода туда не попала, щиты с опорами защитили. Он подумал, что скоро закончится кислород в воздухе, и он задохнется и стал молиться, вспомнив детство и молитву, которую перед сном они с мамой читали на польском языке. Закрыв глаза, он горячо с верой молился о спасении из этого завала. Мгновенно вся жизнь прошла у него перед глазами, он стал каяться за все свои прегрешения и заплакал. Внезапно он ощутил, что земля осыпается – стало видно трещину, из которой шел холодный воздух и пробивался свет. Он стал разгребать эту щель и так усердно рыл, что вылез наружу с обратной стороны шахты. Так Господь спас моего папу в четвертый раз, но уже через молитву!

Папу призвали в армию, а когда в 1941 году Германия напала на нас, он, как и все, ушел защищать Родину от фашистов. Отец служил связистом, был бесстрашен и ничего не боялся. В 1943 году под Курском в жестоком бою он лишился правой руки. После отец всю жизнь себя ругал за то, что не прислушался к предсказанию слепого старца. Перед самой войной отец с сослуживцами пошли на рынок за продуктами. На рынке они подошли к старцу и попросили его погадать им по книге, которая лежала перед ним. Старец гадать им не стал, а папу по плечу постукал и сказал: «Ты молодой человек придешь с войны здоровый, но, если ты украденное оденешь на руку, на какую оденешь, то той руки и не будет». Но папа тогда не верил в предсказания. Он ответил, что чу-

жого не берет и ему это не грозит и ушел, не поблагодарив старца.

На фронте у отца с напарником была конная повозка для перевозки катушек с проводами и прочего связистского «добра». Как-то раз, перед боем, они протянули «связь» до какого-то села и им было приказано оставаться в том селе до утра. Отец с напарником постучались в крестьянскую избу и попросили, чтобы их пустили переночевать. Хозяин впустил их и предоставил им место возле печи, на которой сушились его рукавицы. Утром, уходя, напарник прихватил хозяйские рукавицы с собой, то есть украл их. После того, как они запрягли лошадей и отъехали от дома, напарник протянул одну рукавицу папе и сказал: «Будем менять по очереди, чтобы руки не отморозить». Папа спросил: «Где ты их взял?» Тот ответил, мол, в избе лежали на печи. Возвратиться было невозможно, так как налетели немецкие самолеты, которые начали сбрасывать бомбы на них и на село. Папа, когда надевал рукавицу, не вспомнил слепого старца и его предупреждение. Он забыл, что будет наказан, ведь он знал, откуда взялись эти рукавицы. Но думать и вспоминать было уже поздно. Немцы бомбили так, что, казалось, будто нет ни одного клочка земли, где можно было бы спрятаться. Одна бомба попала в упряжку и взорвалась, осколки полетели в разные стороны. Взрывной волной отца и напарника выкинуло из телеги. Больше папа ничего не помнил.

Очнулся отец лишь вечером, когда пришли санитары вы-

носить с поля боя раненых и хоронить убитых. Его подобрали, и, так как он не подавал никаких признаков жизни, кинули как убитого в братскую могилу. При падении он очнулся и застонал, его вытащили и отправили в медсанбат. Господь его спас в пятый раз! Напарник был убит, а отец ранен в правую руку, и, так как он долго пролежал без сознания и без медицинской помощи, рука почернела. Врачи, опасаясь, что у отца начнется гангрена, ампутировали ему руку почти до плеча. Он потерял сознание и очнулся уже на койке в госпитале.

Оставшись без руки и корчась от боли, он вспомнил слепого старца, который его предупреждал не надевать на руки краденого, но никак не мог понять, почему его наказали, ведь он не воровал. Кто знает, как бы все сложилось, если бы он обличил своего сослуживца в содеянном и заставил его вернуть краденное, а не воспользовался этой злосчастной рукавицей. Но он надел ее и, волей-неволей, стал соучастником в воровстве. Отец плакал день и ночь от боли и досады. Ему не хотелось жить.

Однако человек ко всему привыкает и смиряется, молодость берет свое, и в скором времени свыкся с происшедшим и отец. Так кончилась для него война.

Началась новая жизнь. Отец стал думать, куда ему податься, что делать; вспомнил молодость и пошел в колхоз пасти скот, а по вечерам бегал на танцы, в села, где было больше молодежи. В один февральский вечер отец пошел на танцы в

село Каиру, расположенное в пятнадцати километрах от Новотроицка, где он жил. Между этими селами, ближе к Каиру, еще находилось село Захаровка.

В то время все передвигались пешком или на телегах, машины ходили очень редко. Радио было не во всех домах. Синоптики, может, и сообщали, что в выходные будет сильный ветер и метель, но папа этого не слышал и не знал.

Отец отработал неделю и в выходной день отправился на танцы. Прошел километров пять, и тут началась метель. Вскоре ветер усилился так, что сбивал с ног. Снег покрыл дорогу, и она сравнялась с окружающими полями и степью и уже нельзя было понять, куда идти, везде снег. Папа сбился с пути; видимость была только на расстоянии одного шага, ветер швырял снег в лицо, и, видимо, отец не заметил, как сошел с дороги. Одежда на нем была ветхая, ветер пронизывал до костей, он продрог и потерял счет времени. Но он знал, что присесть отдохнуть нельзя; если сядешь, уснешь и замерзнешь насмерть. Вспомнился ему рассказ о Филиппке, как тот пошел за хворостом в лес, от усталости присел отдохнуть и замерз. Он шел, не зная куда, заставляя себя идти вперед, чтобы добраться до какого-нибудь села или хутора. Но отец уже не мог найти дорогу, он совсем выбился из сил, промок, и его сломила усталость. Помнит только, как сказал: «Все, больше не могу, Господи!» и упал в снег, как оказалось, на окраине села.

Рассветало, ветер утих. Жители села встали. Женщины

пошли по хлевам кормить живность, доить коров. Вышла на двор и моя бабушка и буквально в паре метров от порога увидела лежащего на земле человека, почти полностью засыпанного снегом.

Убедившись в том, что тот живой, она стала трясти его, чтобы разбудить, но ей это долго не удавалось. Наконец, человек открыл глаза, но говорить не мог, его трясло от холода. Подняться с земли он тоже не мог, не было сил. Бабушка позвала дочь, Ксению, и они вместе внесли его в дом. Оказали ему помощь, какую смогли, а потом укутали, напоили парным молоком и уложили спать. В шестой раз Господь его спас!

Проснулся он только вечером. Уходить, «на ночь, глядя», он не рискнул и остался переночевать. Так мой отец и познакомился с моей мамой, она как раз была «на выданье». Она понравилась отцу, и он заметил, что тоже ей небезразличен. Отец подумал: «Наверно, это судьба, раз все так сложилось» и решил остаться в этом доме. Утром, после завтрака, он решил попросить у моей бабушки руку ее дочери (дед погиб на войне). Так мои родители и поженились. Прожили они вместе сорок три года, и только смерть их разлучила.

Господь благословил брак родителей шестью дочерьми которые родились в том же доме-конюшне и замуж оттуда же повыходили, и внуки туда на каникулы приезжали, пока родители не переехали в Новотроицк.

Папа был очень красив: высокий, атлетически сложенный,

с вьющимися густыми русыми волосами и голубыми, небесного цвета, глазами. Силища у него была непомерная – всех односельчан одной рукой борол, а однажды колхозного племенного быка сбил с ног ударом кулака.

Дело было так. В колхозе племенные быки не ходили в стаде вместе с коровами, это было опасно. Быки вели себя агрессивно, бросались на людей, поэтому они паслись на короткой, метра три-четыре, цепи, прикрепленной к вбитому в землю металлическому штырю. Случилось, что бык сорвался с цепи в то время, когда доярки доили коров. Услышав рев, и увидав разъяренного быка, мчащегося на них, доярки закричали и разбежались в разные стороны. Отец услышал крики доярок и бросился на помощь. Он подбежал к быку и ударил его кулаком меж рогами. Бык упал как подкошенный и пролежал так с полчаса. Если бы не отец, дояркам могло бы не поздоровиться...

Односельчане отца моего побаивались и одновременно уважали за честность и справедливость. Да еще нас, дочерей, было шестеро, и всех он выучил: четверо из нас получили высшее образование, а две окончили училища. Соседи частенько говорили своим детям: «Смотрите на детей безрукого Мишки», – то была высшая похвала нам, папа радовался этому, но нам не говорил. Это я уже узнала тогда, когда он был болен и жил с нами неделю до больницы и неделю после. Никогда он не болел серьезно, поэтому никто из нас не обращал внимания на его болезнь и спохватились лишь

тогда, когда ему стало совсем плохо. Он все просил прощения у меня, чтобы я не обижалась. А я ему отвечала: «Я не обижаюсь, я люблю тебя», и он успокаивался. Я уже знала, что его в больницу больше не положат, как безнадежного. Это был приговор. То были тяжелые для меня дни. Не знаю, догадывался папа, что он умирает или нет, но мне он ничего не говорил. Спокойно сказал: «Я еду домой – воспаление подлечу, а потом на операцию приеду». Папа прожил еще неполных три месяца и умер в день святых Петра и Павла. Царствие тебе Небесное! Да простит тебе Господь все грехи твои вольные и невольные!

Спустя двадцать лет после папиной смерти я как-то спросила у мамы, как это она не побоялась выйти замуж за одно-рукого инвалида. Ответ ее меня буквально ошеломил. Мама рассказала, что тогда, накануне встречи с отцом, ей исполнилось уже двадцать семь лет, давно пора замуж, а женихов нет; после войны парней почти не осталось. На Рождество мама молилась и просила Господа послать ей мужа, хоть какого-нибудь, хоть безрукого...

Каково же было ее изумление, когда некоторое время спустя, мать позвала ее помочь занести в дом еле живого парня, лежащего у порога, да еще и без руки! Она поняла, что это Божий промысел и Его благословение, а то, что Бог свяжет на небесах, никто не развяжет на земле!

Еще хочу рассказать про мою любимую бабушку Устину, тетю моей мамы. Она была худенькая, глаза, как небо, голу-

бье. Я ее помню всегда кроткой, радостной и приветливой. Когда к ним в гости придешь, она всегда приголубит и поцелует, обо всем расспросит и никогда не отпустит, пока не накормит, и еще, что-нибудь с собой даст в дорогу. Правда, поговорить с ней удавалось лишь тогда, когда рядом не было ее дочери Марии и внучки Раисы, они были такие же приветливые и щедрые, но только не давали ей слова сказать. Мне было очень больно видеть, как они ее обижали, и она уходила тихонько, и садилась подальше. Заступиться за нее у меня не хватало смелости, о чем я сейчас очень сожалею и прошу прощения у Господа за бабушку Устину.

Бабушке Устине было уже девяносто девять лет, а она сама ходила в церковь и выстаивала там целую службу. Смерть ее была легкой: утром, когда все проснулись и уже садились завтракать и звали ее, бабушка помолилась, а когда пошла к столу, переступила порог и упала. Дух из нее вышел, не дожила до ста лет восемь месяцев.

Когда я была маленькой, я считала своих родителей пожилыми, думала, что, когда доживу до их лет, меня и интересоваться уже мало что будет, однако, я ошибалась. Сейчас, несмотря на свой возраст, я «разменяла» седьмой десяток, мне все интересно, я ощущаю себя молодой и, кажется, даже в детстве я такой свободной не была, как сейчас, ибо с Богом нет старости, Он мне словно дает каждый день новое сердце и новый дух, и делает меня вечно молодой и я никогда не умру, но буду жива, и я Ему верю. Аминь!!!

Мне хочется сказать всем молодым, пусть они знают, что их родители в душе такие же дети, как и они сами, что только тело может стариться, а душа вечно молода. Относитесь же и к ним, и ко всем пожилым бережно. Они ждут от вас ласки и заботы.

Детство в Захаровке

Я родилась в селе Захаровка, в нашем доме 8 апреля 1953 года в восемь часов утра. Роды принимал местный фельдшер, до больницы было 12 километров, а «скорые» тогда не ходили, телефонов не было, а на телеге маму не довели бы. В Захаровке же родились и мои сестры: старшие – Валя и Нина, а младшие – Оля, Шура и Лиза – в больнице. Мама рассказывала, что, когда я появилась на свет, была такая сильная метель, что вся земля обильно покрылась снегом. Это, видно, Господь маму благословил, подал ей знак, что она не будет ни в чем нуждаться.

Еще мама рассказывала, как они с папой долго подбирали мне имя. Сначала они называли меня Верой; не подошло, никак не могли привыкнуть к нему. Через неделю попробовали назвать меня Надеждой, но и это имя «не пошло». Оставалось – Любовь – понравилось, так меня и зарегистрировали в ЗАГСе.

Из всех сестер у одной меня волосы были кудрявые цвета спелой пшеницы, а глаза папины – голубые. Мама вспоминала, что, когда мы были маленькими: « Я вас как одену в нарядные одежды и вместе посажу, так вы, как куколочки – Валя и Нина темноволосые, а ты посреди них, как одуванчик беленький! ».

Я благодарна Господу за то, что детство мое прошло в та-

ком замечательном месте. Господь был нашим Пастырем, и мы ни в чем не нуждались. Он «покоил нас на злчных пажитях и водил нас к водам тихим».

До революции в Захаровке жил богатый помещик Захаров. Поместье у него было большое, с красивыми зданиями и садами. После революции, Гражданской и Отечественной войн, от этих построек уцелели лишь несколько небольших домиков. От остальных зданий остались развалины, где мы в детстве играли в прятки.

Когда мы были маленькими, Господь обильно поливал землю в Захаровке и вокруг нее дождем и всегда в нужное время. Земля – чернозем – была плодородна. Колхоз собирал хорошие урожаи пшеницы, овса, ячменя, подсолнуха, кукурузы, проса и люцерны. Было в изобилии корма для скота; пастбища еще не были распаханы. Трава была густой и высокой, мы прятались в ней, приседая на корточки, и нас не было видно. Трава перекасти-поле была похожа на большие, зеленые шары, а когда созревала, делалась очень колючей. Собирая, мы топтали ее ногами. Колючая, без рукавиц не возьмешь. Но так как рукавиц у нас не было, брали голыми руками. Колючки-занозы при этом проникали под кожу и, если их вовремя не вынимали, болезненно гноились, нарывали и выходили, когда нарыв лопался. Перекасти-полем топили печь вместо дров, так как дров у нас не было, места степные. Травы на лугах хватало всем: колхозники держали скотину и траву заготовляли на зиму для своих коров и кол-

хозных. В каждом дворе стояли огромные скирды сена и соломы. Стог соломы давали всем колхозникам на трудодни, когда убирали урожай пшеницы и ячменя. В колхозах тоже стояли большие скирды сена и соломы для колхозных коров и телят.

В колхозных садах росли груши, яблони, вишни, черешни, персики, виноград, арбузы, дыни. Все это в том благодатном климате обильно плодоносило. Хорошо было после уборки урожая, председатель колхоза разрешал всем идти в поля и собирать то, что осталось необранным. Это было большим подспорьем для нас; в доме всегда были фрукты и овощи.

Проснешься утром, а ведра с виноградом уже стоят, мама принесла с поля, пока мы спали. Отборные кисти с крупными блестящими виноградинами! И когда только мама спала?! Мы ложились – мамы не было; просыпались – мамы опять не было, а ведь мы тоже рано вставали – в пять утра, сами доили корову, а потом выгоняли ее на пастбище и сами пасли.

Частенько приходилось нам пасти и чужих коров. Многие не могли пасти свою скотину – нужно было работать в колхозе, они договаривались с нашим папой, и мы пасли их коров. Платили за это копейки, а труд был тяжелый. Кто сам не пас, может думать, что это легко. Летом мы ходили босиком, обувь мы берегли и обувались только, идя в школу или, когда ездили в гости, так как родителям платили, в ос-

новном, за трудодни продуктами, а денег давали очень мало. Когда мы пасли коров, то бегали босиком по полям и лугам. Нас там поджидал и репьях с большими колючками, и стерня на скошенных полях (сухие обрезки стеблей, торчавшие на несколько сантиметров из земли) нас тоже не жаловала... Ступни, ног были израненные и поцарапанные, но мы не жаловались. Если падала и было больно, поплачешь, встанешь и опять бежишь за коровами, чтобы на чужое поле не зашли, а то от папы попадет. Когда вокруг степь, солнце печет и некуда спрятаться, и вода уже выпита, я была рада лужам, встречавшимся на полях после дождя. Вместе с коровами пьешь эту воду и благодаришь Бога за нее. Живот мой от того ни разу не болел, потому что эту воду посылал мне Господь. Я просила Его дать хоть глоток, а Он давал больше. Он благословлял воду, и она была чиста и целебна, и Он утолял ею мою жажду, как евреям в пустыне. И смерч меня заставлял в степи, он кружил возле меня, захватывая на своем пути все: дерево, железо с крыши, а потом все это падало с такой силой, что ломало заборы и стекла выбивало в домах. Молнии были, как стрелы, и шаровые. Я, глупая, однажды за шаровой молнией бегала, хотела ее словить, но она ловко от меня отскакивала, словно дразнила: то приблизится, то опять удалится.

Однажды среди дня вдруг стало темно, как ночью. Тучи черные и такие низкие, как будто хотят тебя вдавить в землю, вдруг сверкнула молния и ударила в дерево, полетели искры,

но дерево устояло. А потом гром, такой силы, как будто скала раскололась и падает на тебя. Я не успела прийти в себя от страха, как хлынул дождь, словно из ведра, такой, что даже коров не стало видно. Я замерзла, ветер был холодный и пронизывающий, мои коровы собрались вместе и прикрывали телят от ветра, я возле них стала и давай креститься, как мама, и просить Господа спасти нас. Я теперь понимаю, что я была не одна в этой степи, а с Богом. Он меня оберегал и благословлял.

Еще в Захаровне были озера, природные, Богом сотворенные, и вода родниковая. Мы пили воду из родника. Рыбы было много, и рыбаки-колхозники ловили ее сетями. Озера были глубоки и, чтобы, например, перебраться на остров, нужна была лодка. Берега у озер были высокими и все изрыты норами, где гнездились и выводило свое потомство множество стрижей. На озерах и вокруг них обитало много разных птиц: чайки, цапли, кулики, утки, куропатки, фазаны, гуси, журавли и даже лебеди прилетали на лето и гнездились на островах. В степи водились лисы, зайцы, хорьки, и волки иногда забегали. На лето нам давали задание отлавливать вредителей посевов – сусликов.

Господь любит всех! Свидетельством этого было спасение моей мамы, когда мне исполнилось девять лет, и я ходила в третий класс захаровской школы.

Случилось вот что: у нас заболела молодая телочка. Ветеринар не смог определить болезнь и сказал: «Режьте и ешь-

те». Мама разделявала тушу, а я ей помогала. При разделке мама немного поранила руку. Большую часть мяса засолили, а из оставшегося сварили тузлук, поужинали и пошли спать. От усталости меня быстро сморило, и я уснула. Проснувшись утром, я увидела, что мама лежит на постели и вся горит. Рука ее очень сильно распухла, а ранка стала красно-синего цвета. Рука у нее начала болеть еще ночью, поднялась температура, но меня мама не стала будить, пожалела.

От нашего села до города было двенадцать километров. Медицинского пункта в селе не было, машина в город ходила раз в день – отвозила детей в школу и привозила хлеб. Телефон был только в колхозной конторе. Рабочий день в конторе начинался с восьми часов утра. Увидев, как мама корчится от боли, я побежала в колхозную контору и всю дорогу кричала: «Помогите маме! Вызовите «скорую помощь»! Маме плохо!» Председатель колхоза, увидел меня зареванную и поняв, в чем дело, тут же набрал номер «скорой помощи»... Меня он успокоил и сказал: «Иди домой, тебя ждут маленькие сестры, ты им нужна и маме по хозяйству помоги, а ревом горю не поможешь». И я помчалась домой.

«Скорая помощь» приехала быстро, врач осмотрел мамину руку и увез маму в больницу. А еще через час приехала санитарная машина с санитарями, парогенератором и с большим пульверизатором-распылителем. Мясо – говядину – сожгли, а свинину не тронули, нас пожалели, сказали: «Если вы ели и не отравились, то ешьте, иначе, чем же вы будете

питаться, пока мамы не будет». Папе сказали, что им приказано сжечь нашу хату, и что нам в Новотроицке дом выделили и дали три дня, чтобы переехать. Оказывается, у нашей телочки была сибирская язва – болезнь опасная и неизлечимая, сыворотки тогда еще не нашли для нее. Нас, детей, было шестеро, старшей четырнадцать лет, а младшей – пять месяцев от роду.

Папа собрал всех нас, детей, в дом и заперся там с нами, чтобы дом не сожгли, а санитарам заявил: «Без жены переезжать не буду, у меня одна рука, а дети малые». Санитары залили дезинфицирующим раствором посуду и полы, а одежду и постели пропарили. Мы тогда долго сушили перины и одежду. В хлеву, где коровы стояли, санитары сломали помост и сожгли его, а землю с кровью вывезли.

Трудно нам жилось без мамы – все заботы по дому и по хозяйству легли на наши детские плечи, да еще маленькая пятимесячная сестра. Мы дежурили каждая по неделе, не ходили в школу, а потом папа сказал, что Валя и Нина старшие, они не должны пропускать занятия, им тяжелее догонять пропущенный материал. И на хозяйстве осталась я.

У нас была корова с телятком, овцы, козы с козлятами, куры с цыплятами, утки с утятами, гуси с гусятами, свинья с поросятами, кролики с крольчатами, собаки, кошки с котятами и голуби. Всех их надо было накормить-напоить, а корову еще и подоить.

Корова у нас была с норовом, доить себя она не позволяла

никому, кроме мамы, она бодалась и лягалась. Мы с папой привязывали ее за рога к яслям, ноги спутывали, и только так я могла ее доить. Так продолжалось недели две до одного происшествия, после которого корова стала смирной. Пришла я как-то раз ее кормить, принесла сено в мешке и зашла к ней в загон. Высыпаю из мешка сено, а корова подбежала ко мне и подняла меня на рога за платье. Платье разорвалось, я упала на землю, вскочила на ноги и выбежала из стойла. Я плакала от страха, потом схватила палку и стала бить ее по рогам, приговаривая: «Я тебя кормлю, пою, дою, а мамы еще долго не будет, я папе расскажу, что ты бьешься, отправит он тебя на бойню на мясо». На следующий день захожу в хлев, а она мычит и показывает головой, что разрешает себя погладить, как мама ее гладила, когда приходила доить. Я боялась, но решилась ее погладить, хотя была начеку... Погладила, а она языком мою руку лижет и мычит, и стоит смирно, я и вымя ей погладила, а она смотрела на меня с одобрением. Она перестала брыкаться, признала меня, и после я уже доила ее без пут. Я теперь понимаю, что Бог этот урок дал и мне, и корове, так как животное должно своего хозяина бояться, а любить за то, что он его кормит и ухаживает за ним. И корова поняла, что теперь я ее хозяйка.

Днем у меня не было времени для отдыха, я крутилась, как белка в колесе. Приготовить обед и накормить всех домашних, малую сестру уложить спать вовремя, постирать, убрать в доме. И так каждый день! Когда хлеб в магазин

не привозили, пекла вместо хлеба коржи. А еще – сепаратор! Через него нужно было пропустить молоко, а после – помыть сепаратор. Самое тяжелое – это мыть барабан: сначала гайку откручиваешь, потом кожух снимаешь со стержня, на который надеты тридцать две чашечки, они и отделяют сливки от молока. Мыть сепаратор нужно было сразу же, после использования, горячей водой, а то потом сливки загустевали между чашечками и трудно было отделить чашечку от чашечки. Не хватало в детских руках сил, и я плакала, но Бог давал мне силы, и я перемывала эти чашечки. Только закончишь с сепаратором – сестренки младшие проснулись и есть просят; Оле шесть лет, Шуре три, а Лизе десять месяцев.

Печь надо топить, принести воду из колодца, а на улице зима, мороз, и снегу намело по пояс, и ветер с ног сбивает, а ты носишься, как заводная.

Я очень уставала и плакала. На улице соседские дети гуляют, на санках с гор катаются, в снежки играют и меня поиграть зовут, а я не могу, дел невпроворот.

Сестренки не слушались, разбрасывали вещи, игрушки. Я их наказывала, шлепала, они жаловались на меня папе, он, не разобравшись, наказывал и бил меня. Мне не хотелось жить, и я сказала: «Убей меня!» Отец пожалел меня и стал оставлять дома старших сестер, по неделе каждую, а меня отправил в школу.

Мамы не было дома уже восемь месяцев. Нам сказали, чтобы готовились к худшему, мама не выздоровеет. Я пом-

ню, как долго и горько плакала. Я понимала, наверное, лучше всех, как нам тяжело будет жить без мамы. Подавленная, уставшая, я легла спать, но вскоре проснулась от своего крика «нет! нет!». Смотрю – вся подушка мокрая от слез и я в слезах. Мне приснился сон, который я и сейчас ясно помню, как будто он приснился мне только вчера. Мне снилось, что маму хоронят, она уже на кладбище, и могила вырыта, а я бегу изо всех сил и кричу «нет! нет!», а когда подбежала к могиле, руками ее закрыла, обнимаю маму, не даю ее хоронить.

Господь спас не только маму, но и нас с папой. Через сон Он мне показал, что мама будет жива, по моей просьбе, так как детская молитва с искренней любовью к родителям и просьбой к Богу не забирать их очень сильна. Мою просьбу Господь услышал. Через неделю в контору колхоза позвонили по телефону, чтобы сообщить нам, что маму спасли, нашли сыворотку от сибирской язвы и вертолетом доставили из Киева. Маме ввели ее в вену, и ее состояние улучшилось.

Мама пошла на поправку, но умерла бабушка Домна – мама моей мамы, которая жила у брата. Маму проводить ее в последний путь не пустили, из-за слабости. Моя младшая сестра Лиза заболела воспалением легких и ее положили в больницу, в мамину палату, и она лежала там вместе с мамой. Только в конце мая маму выписали из больницы. Как мы радовались! А я больше всех.

Еще помню, как на праздник, день Святой Живоначаль-

ной Троицы, все уехали в церковь, а меня оставили на хозяйстве, и я от обиды и огорчения очень плакала. Я тогда пасла коров вместе с соседкой и угощала ее своим молочным киселем. Соседка хвалила – очень вкусно!

До того времени, когда я перешла в третий класс, село наше было многолюдно, в нем имелась школа-восьмилетка. Потом нашу школу объединили со школами близлежащих сел и перевели в другое село, где детей было больше. После этого жители стали уезжать из села, остались одни старики и вдовы. Я помню, что, когда я училась в четвертом классе, начали исчезать родники, мелеть и пересыхать озера, пропадать рыба. Прекратился рыбный промысел, разошедшиеся лодки лежали на берегу. Исчезли птицы, жившие у воды. Начались рыбы заморы. Полуживую и снулую рыбу выбрасывало на берег. Ту, которая была еще жива, мы собирали у берега руками. Чайки опережали нас, они выклевывали рыбе глаза, и мы ее уже не брали. Поживиться рыбой приходили лисицы и бездомные собаки. Дожди шли все реже и все вокруг стало сохнуть, трава исчезла, вместо нее появились солончаки.

Когда я приехала в Захаровку на каникулы из школы-интерната, где училась в пятом классе, я не узнала наше село, за пять лет оно опустело. У родителей осталась одна корова, свинья и немного птиц кур, уток и гусей, да и этих нечем было кормить. Все овощи и фрукты возили из Новотроицка. От прежнего изобилия не осталось и следа. В селе насчитыва-

лось с десятков домов, где доживали свой век старики-пенсионеры и наш дом-конюшня, стоявший возле высохших озер. Вот, что значит, Божье благословение над нами, видно, отошло оно от наших мест и страшно было видеть исполнение гнева Божьего над нами грешными. Мы жили, словно под кровом Всемогущего Отца и ни в чем не нуждались, не осознавая и не цenia своего счастья. Бог возвращал нас для Себя, чтобы мы прославили имя Его, но нам некогда было обращать свои взоры к Небу, мы погрязли в ежедневных делах и заботах и забывали про Него. Но я знаю, что все по воле Твоей и нам не познать стезей Твоих. Я была счастлива в те минуты, когда была с Тобой и Ты со мной. Твое присутствие я ощущала особенно отчетливо, когда мне было плохо, и я просила Тебя о помощи. Для Бога нет невозможного, нужно только просить с верою, и Господь даст просимое, если оно будет нам во благо. Я спрашивала у Тебя: почему болеет мама, почему угасло наше село, почему высохли озера и многое другое, даже не надеясь получить ответ. Ответы я получила. Все происшедшее с нами было промыслительно; даже мамина болезнь и отказ отца переселяться в тот момент из нашего старого дома в Новотроицк. Когда же пришел срок, Господь переселил нас.

Со временем Господь вернул воду в пересохшие озера, но прежних высоких берегов уже не было, и вода залила часть прежней суши, как раз то место, где стоял наш дом и еще два соседских, к тому времени нежилые. Дома были саманные,

из смеси глины и соломы, вода их быстро размывла, и они развалились, но мы уже жили в Новотроицке, в новом доме. Спаслись в нем от вод, словно семейство Ноя в ковчеге.

Первые мультики.

Помню, как только первый телевизор появился у наших знакомых в селе Кирки, мы с сестрой Ольгой пошли к ним смотреть мультики. Туда вели две дороги. Одна из них – короткая, новая насыпная дамба. Летом, во время сбора урожая, по ней ездили машины. Зимой и весной она была непроходима для машин и пешеходов, так как вся заливалась водой и было не разобрать, где дорога, а где озера. О том, что дорогу залило, ни хозяйка, ни мы не знали. Другая дорога, старая, более длинная, вела в обход озер. Из дому мы ушли в восемь часов и добрались до места через два часа по длинной дороге, которую мы хорошо знали. Посмотрели мультики, немного поиграли с детьми, и в двенадцать часов тетя Наташа вывела нас на дорогу новую, нам не знакомую, и сказала: «Идите, по этой дороге, она короче, за час дойдете и будете дома». Стояла весна, снег таял, все было залито водой, и мы не видели дороги. Кругом вода, а на ней острова. Мы сбились с дороги и пошли по островам. И забрели на озеро. Солнце хорошо прогрело землю за день, лед отошел от берегов и стал хрупким, трескался под нами, и мы часто проваливались в воду. Слава Богу, что было озеро не глубокое, а только по плечи мне, ведь я плавать не умела, и сестра тоже. Да и сезон не для купанья, и мы не моржи. Уберег Господь! Научил, что делать! Я действовала, как взрослая:

не пугалась, не плакала, а боролась за жизнь и сестру спасала. Мне, когда я сейчас это вспоминаю, страшно становится. Сейчас бы я такого сделать не смогла: в воду – со льда, из воды – на остров, а потом с острова в воду и на лед, и так три раза подряд. Только после этого мы выбрались и увидели наш дом. Наш дом стоял в километре от озера, на самом конце села и его было видно, так как перед ним других домов не было. Мы видели, как папа ходит по двору, он нас ждал со стороны той дороги, по которой мы утром ушли. Он и подумать не мог, что нас пошлют по другой дороге. Ведь и он эту дорогу не знал, ему и в голову не пришло, что это его дети там, на озере. Он думал, что это рыбаки там ходят.

Оля была меньше меня ростом, и вода ей была с головой, поэтому мне приходилось ее нести на плечах. А чтобы не мочить одежду и обувь, я снимала ее и свое пальто, и свои сапоги, и переносила их на остров или на лед, так как мне в сапогах ходить в воде тяжело было, а потом возвращалась за ней и на плечах переносила ее к вещам и одевала, а сама была мокрая. Но лед проваливался под нами, и одежда все равно намочила и отяжелела, и в сапогах вода. Я не могла такую тяжесть нести, за два раза переносила. Когда мы выбрались, наконец, на свой берег, солнце уже садилось и холодало. Мы разделись догола, отжали одежду, оделись и побежали домой радостные. Мы дрожали, как осиновые листья, но на бегу мы согрелись. Явились мы домой уже в шесть часов вечера. Папа, увидев, что мы так поздно пришли, и что мы

идем с той стороны, откуда он не ждал, решил, что мы там заигрались и домой не спешили. Он очень беспокоился оттого, что нас долго не было, поэтому мне досталось. Когда же он увидел, что мы совсем мокрые и понял, что мы чуть не утонули, то растер нас водкой и посадил греться на печь. Вот так мы запомнили навсегда наши первые мультики. Больше нам не хотелось их смотреть.

Кошечка-копилка

Когда мне еще и четырех лет не исполнилось, жила недалеко от нас подружка моих сестер, и, когда их не было дома, она приглашала меня в гости. Мы играли, а потом брали копилку-кошечку и ножом доставали из нее монетку. Бежали в магазин покупать конфеты – леденцы самые дешевые на 10 копеек 100 грамм. Однажды я осталась дома одна, мне стало скучно, и я пошла к подружке-соседке. Я пришла к ней, а у них дома никого. На дверях тогда замков не было. Я открыла дверь и окликнула подружку, никто не ответил. Я вошла в дом и мне эта кошечка-копилка на глаза попала. Я захотела вытащить, как подружка, оттуда монетку, уж очень было интересно смотреть, как она вытягивала их, а мне не позволяла, а тут представилась возможность самой попробовать. Я со страхом подошла к этой копилке, но желание побороло страх. Я взяла нож, вставила, в щелку, и монета вылетела. Я пошла в магазин и купила 50 грамм конфет. На другой день прихожу опять к ней, а в доме двери открыты. Я опять позвала, и опять никто не откликнулся, а кошечка-копилка стояла на окошке и так и манила к себе. Я взяла ножик, который лежал возле копилки. Опять вставила его в щелочку, а монетка не выпала. Тогда я стала кошечку-копилку трясти. Она выскользнула из моих рук и разбилась. Я убежала домой, не взяв ни одной монетки, и никому ничего не сказала.

Рассказала я о случившемся папе, уже когда подросла, а когда призналась в содеянном, так и облегчение получила. Я просила у Бога прощения, говорила, что больше не буду. Я тогда боялась папу больше, чем Бога. Больше я никогда не брала чужих вещей. Спасибо Тебе, Господи, за тот урок!

В Геническе. Школа-интернат

Когда я перешла в пятый класс, мне пришлось вместе со старшими сестрами ездить в Благовещенку, в школу. Дороги у нас грунтовые, и после дождя ни одна машина не проедет. Нас возили в школу на грузовой машине, а когда она ломалась или шофер болел, шли шесть километров пешком. Я, после длительного пребывания в холодной воде и переохлаждения, заболела и ходить много не могла – ноги крутило, из-за этого, после Нового года, мама меня отдала в интернат в город Геническ.

Я впервые оказалась так далеко от дома. Домой я могла приезжать на летние каникулы, а в зимние и весенние каникулы мы ездили на экскурсии в другие города. Поездки эти были для нас наградой за хорошую учебу и дисциплину.

Помню свое первое знакомство с директором школы, Любовью Ильиничной. Высокая, статная женщина, с ласковой улыбкой и добрым лицом. Глаза у нее были голубые, как и у меня. Она мне сразу понравилась. Подозвав к себе, она погладила меня по голове и сказала, что теперь будет мне за маму и папу, я в их семье и должна исполнять все требования, которые записаны в распорядке школы-интерната, а маму твою мы отпускаем к другим детям, она там им нужнее.

Я представила себе, сколько всего делает по хозяйству наша мама, но нас только восемь человек вместе с мамой, а

тут... Это ж сколько у нее работы!

Вдруг, слышу, что меня спрашивают: «Ты со мной согласна? Плакать не будешь?» Я ответила: «Хорошо, буду исполнять все требования и плакать не буду».

Потом пришла классная воспитательница и отвела меня к медсестре, а после медсестры – к кастелянше, тете Шуре. Та подобрала мне школьную форму, сменные платья и обувь (сапоги зимние, ботинки осенние, туфли и босоножки), колготки, пальто зимнее – и все это мне, да еще и новое! Я смотрела на это и радовалась в душе – мне не верилось, что все это будет моим. Как Золушке – повезло! Я впервые в жизни перед зеркалом примеряла так много вещей. Не помню, благодарила ли я тогда Бога, но сейчас я понимаю, что без Божьего благословения этого бы не было. И теперь, через полвека, я благодарю Господа за тот подарок и за Его заботу. Ведь я надела новую форму только, когда пошла в первый класс, и то точно не помню, новую ли, помню, что была она «на вырост». Остальная одежда от сестер доставалось, когда они вырастали, так как папа мало зарабатывал.

Когда мне все подобрали, меня вымыли в бане и одели во все новое и красивое. Я, словно из Золушки превратилась в принцессу. После этого повели в спальню, к моей кровати, застланной белой простыней и накрытой синим шерстяным одеялом, свернутым конвертом. Эта была моя первая собственная кровать, дома мы все спали на печи или с мамой на кровати. Потом меня познакомили с одноклассниками, по-

вели в учебный корпус, показали парту и выдали в библиотеке учебники, тетради, ручки и все принадлежности, необходимые для учебы. Для занятий физкультурой – кеды и спортивный костюм. Портфеля не выдали за ненужностью, так как в партах были полки для книг, а домашние задания делались в классе. В спальном корпусе находилась и столовая, куда нас вели строем.

При получении книг я обратила внимание, что буквы мне незнакомы и названия книг как-то по-особенному звучат. Пришли в класс, сели за парты, достали учебники для подготовки уроков на завтрашний день, спрашиваю соседа по парте – что это за буквы такие? Он мне отвечает: «Мы учимся на украинском языке». А я ведь четыре с половиной года училась на русском. Как же мне теперь быть? А это пятый класс, где уже проходят геометрию, алгебру и другие предметы, и все на украинском языке. Я горько плакала и причитала: «Забери меня, мама, домой!»

Но мама не слышала и не видела моих слез, так как уже уехала домой, а до села от Геническа было пятьдесят километров. Я думаю, мама даже не знала, что в интернате учили на украинском языке, ведь во всех других школах был русский, она в такие подробности не вникала. Ее тогда больше беспокоило мое здоровье, особенно, чтобы мне не приходилось добираться до школы и обратно двенадцать километров пешком.

Воспитатель меня успокоил, вытер мне слезы моим но-

совым платком и начал объяснять мне украинскую азбуку. Украинские буквы схожи, в большинстве, с русскими буквами, и я быстро выучила те, которые отличались. Со словами было хуже, их за один день не выучишь, а программа идет своим чередом. Я математику знала хорошо, поэтому все правильно решала, но не объясняла решений, так как я еще не знала достаточно украинских слов. Некоторые смеялись, что я говорю на русском. Я решала задачи и примеры у доски молча. Учитель математики видел мои знания и ставил мне пятерки, но вот по русскому и украинскому языкам положение у меня было плачевное. Устно еще полбеды – одно слово украинское, а другое русское – никто не замечал. Но, когда нужно было писать диктант на русском языке, я писала буквы украинские, а на украинском – русские, так как от страха боялась написать не ту букву. Учительница, Любовь Михайловна, моя тетка, увидела эту мою особенность, и, когда был диктант по русскому языку, она мне на ухо говорила: «Люба, будем писать украинский диктант». Тогда я писала русскими буквами, и наоборот. Так она меня выучила, и я поверила в себя – пошли хорошие отметки. К концу года я уже почти освоилась с украинским языком, но на педсовете меня решили оставить на следующий год в пятом классе, так как все понимали, что мне будет тяжело учиться, имея малый запас украинских слов. Летом же со мной позанимается воспитатель, мы поучимся писать диктанты и читать по-украински. Так я осталась на второй год в пятом классе из-

за украинского языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.